

предложил в 1991 году поместить на первую полосу фотографию пребывающей на восьмом месяце беременности обнажённой Деми Мур. Это была настоящая сенсация! Потом про чету Яковлева — Либерман говорили: «Ну что вы хотите, они же из России. А потому не могут без революций».

С мужем Александром Либерманом

Сама Яковлева работала в магазине «Сахс на Пятой авеню». Но это скорее было хобби, нежели работа ради денег. Несмотря на то что клиентками её шляпной мастерской были самые известные женщины мира — от Коко Шанель до Эдит Пиаф, — в месяц Яковлева получала меньше тысячи долларов. И не смела владельца магазина попросить о прибавке.

Впрочем, заботиться о куске хлеба ей всё равно не приходилось. Либерман был не только авторитетным, но и весьма обеспеченным человеком. Зарабатывал в семье он. А Татьяна могла позволить себе роскошь просто заниматься любимым делом: вначале это были шляпки, а затем — друзья, приёмам которых она посвящала всё своё время.

Одной из её ближайших подруг была Марлен Дитрих. Когда кто-то начинал восхищаться красотой её ног, Марлен отвечала: «Да, они ничего. Но у Татьяны — лучше». А сама Яковлева, когда Дитрих приходила к ней в гости и забиралась на диван с сигаретой в руках, строго говорила: «Марлен, если ты прожжёшь мой диван — я тебя убью. Имей в виду».

Семья Яковлевой и Либермана жила в Нью-Йорке, где на Лексингтон-авеню у них был роскошный особняк. Не менее достойное имение было у них в Коннектикуте, которое Джордж Баланчин называл страной Либерманий.

С Валентиной Саниной (<http://izbrannoe.com/news/lyudi/valentina-sanina-kiel'yanika-pokorivshaya-gollivud/>)

О Маяковском Татьяна помнила всегда. Но полюбила рассказывать о нём уже в 70-х, когда у неё в полной мере проявилась страсть к воспоминаниям. И к ней приезжали, приезжали, приезжали гости из России. Или же она сама привечала у себя тех, кто не пожелал возвращаться в СССР.

Всем своим гостям она читала Маяковского.

Известный историк моды и телеведущий Александр Васильев, гостивший зимой 1985 года в доме Яковлевой и Либермана, рассказывал мне о том визите: «Яковлева производила впечатление строгой женщины, её можно было испугаться. Прямая, величественная. И это можно было понять, ведь её муж Алекс занимал очень высокое положение».

Яковлева была знаменита своими афоризмами. «Норка — только для футбола, а для леди — соболя», — как-то сказала она. Имелось в виду, что в норковой шубке можно ходить только на стадион, а в свет выходить позволительно в соболях.

Она дружила с музами других поэтов. Была лучшей подругой Валентины Саниной, музы Вертинского. Была близка с леди Абди, урождённой Ией Ге, племянницей художника. Одним словом, подруг она выбирала себе под стать.

К заслугам Татьяны Яковлевой относится восхождение Кристиана Диора и появление Ива Сен-Лорана. Талантом своим они обязаны, разумеется, не ей. Но пресса заговорила об этих кутюрье после того, как Яковлева сказала мужу, что гении — именно они».

Татьяна Яковлева прожила большую жизнь и накануне своего 85-летия как бы в шутку обратилась к мужу с просьбой: «Будь джентльменом, пропусти меня вперёд». Алекс, боготворивший жену, исполнил и эту её просьбу.

На её надгробном камне в Коннектикуте выбиты слова: «Татьяна дью Плесси-Либерман, урождённая Яковлева. 1906–1991».

Игорь Оболенский